

Двухсоткилограммовый конь быстро взял себя в руки.

"Преподобный мой, ну скажите же, какую всё-таки дорогу выбрал Фэй-Фэй?"

Линьхуа сгорал от любопытства.

К счастью, жажда знаний одолевала только лошадь — люди оставались в неведении.

Под звёздным небом даже ночная тьма не могла заглушить огни человеческого мира. Чтобы лучше разглядеть происходящее, Цзянь Юньмань приказала включить уличные фонари вдоль ветки метро.

Однако не успели они толком рассмотреть схлестнувшихся аномалий S-ранга, как их взгляды приковала к себе иная фигура. Рядом с Линьхуа молча стояло гуманоидное существо в алом одеянии.

Увидев Фу Сяо впервые, Цзянь Юньмань и её люди замерли, боясь даже вздохнуть.

Цзянь Юньмань и в голову не пришло, что это тоже резонансная аномалия Цзян Фэя.

Но интуиция подсказала ей верную мысль: если существо способно слиться с пространством S-ранга и при этом небрежно держаться в стороне от царящего хаоса, то мощью оно вряд ли уступает местным тварям.

После глобальной аномальной трансформации высокоранговые сущности стали появляться в разы чаще, чем прежде.

Шесть медиумов A-ранга переглянулись — всё было понятно без слов.

"Ну как он продвигается? Дотягивает до проходного балла?"

"Если не сдаст и его отправят на переработку, пусть хоть характер не меняют!"

"Мы с Фэй-Фэй только-только притёрлись друг к другу, не хочу привыкать заново!"

Линьхуа нервно гарцевал.

Должно быть, не выдержав этой несмолкаемой болтовни, Фу Сяо всё же обронил в ответ:

"Он списывает шпаргалку".

И чем это отличается от полного молчания? Где тут вообще взять ответы для списывания?

Сколько бы ума ни было у коня, смысл сказанного ускользал от него.

В душе Линьхуа яростно возмущался, но мысленно пробормотал совсем иное:

"Ну и замечательно!"

"Главное — сдать экзамен, а уж каким образом — дело десятое!"

Да уж, переобуваться на лету этот конь умел как никто другой.

Фу Сяо не сдержался и косо взглянул на него, но Линьхуа лишь гордо выпятил грудь, всем своим видом показывая: именно так и надо поступать.

Впрочем, слишком уж задирать нос коню не следовало. Не прошло и пары секунд ликования, как до Линьхуа дошло: он ведь узнал лишь факт «списывания». А вот что именно пришлось пережить Цзян Фэю, как он срисовал эти ответы и у кого — так и осталось покрыто мраком.

"Эй!"

Конь щёлкнул зубами, пытаясь ухватить Преподобного за край одежды, но поймал лишь пустой воздух.

Силуэт Фу Сяо пошёл рябью, точно отражение на воде, и растаял на глазах у изумлённой публики.

Пришёл бесшумно — ушёл беспрепятственно.

Обычный человек по имени Цзян Фэй искренне полагал, что весь мир ополчился против него.

Дикий конь мчался по лугу, набирая ход. Шаги его становились всё шире, пока наконец он не оторвался от земли и не взмыл прямо в небо.

Разве они уже не вышли из Иллюзорного Царства Бессмертной Судьбы?

Цзян Фэй находил происходящее дикостью. Но ещё большей дикостью казалось поведение самого коня — не иначе как тот объелся дурман-травы.

Едва перенесся Цзян Фэя через вершину горы, где располагался телепорт из Иллюзорного Царства Бессмертной Судьбы, коренастая туша скакуна встряхнулась, морда расплылась в улыбке, а из пасти вырвался исполненный утончённого изящества голос:

— Ах, свобода-а-а...

Цзян Фэй ответил молчанием.

Вся эта абсурдная сцена отзывалась в нём странным, почти родным чувством.

Конь тоже подвергся эволюции. Повернув морду к всаднику, он изрёк:

— Парень, дай-ка своему старшему брату-коню имя.

Имя дарует дух. Только обретя разум, существо первым делом жаждет получить имя. Вот только конь был абсолютно неграмотен, поэтому наречение полностью возлагалось на сидящего у него на спине человека.

Хотя Цзян Фэй просил её держаться подальше, Синчэнь далеко не ушла. Заметив метаморфозы скакуна, она отпрянула на несколько шагов назад.

— Брат, что с ним? Разве мы не выбрались?

Девочка мгновенно уловила суть происходящего.

Цзян Фэй отрицательно качнул головой. Вполне вероятно, изменения коня были связаны с тем, что сам Цзян Фэй проник в самые глубины иллюзорного царства. Но о происходившем там он ничего не помнил, а потому и объяснить ничего не мог.

В сложившейся обстановке ему меньше всего хотелось придумывать кличку какому-то коню. Однако в последнее время он всё чаще ловил себя на мысли, что его поступки идут вразрез с первоначальными намерениями, но при этом кажутся единственно верными и искренними.

Что ж, следовало довериться чутью и на этот раз.

Поразмыслив несколько мгновений, Цзян Фэй проговорил:

— В горах обитают духовные кони, а иероглиф «хуа» означает благородство и стать. Как насчёт имени Линьхуа?

Кличка пришлась коню по душе. В отличие от Ушу и Паньцзяо, едва начавший

эволюционировать Линьхуа демонстрировал куда более развитое мышление.

— Парень, ты что, уносишь ноги? — поинтересовался он.

Впрочем, болтливости ему было не занимать. Не успел Цзян Фэй разомкнуть губ, как тот продолжил:

— А у тебя есть чутё, раз ты выбрал именно меня.

— Не ссы, я тебя унесу.

И Линьхуа ничуть не преувеличивал. В горах водились скакуны, способные одолеть тысячу ли, а он ещё до трансформации был редчайшим породистым жеребцом.

Пусть и немного грузный, бегал он невероятно быстро. Оседлав лёгкий ветерок, Линьхуа устремился прямо на восток.

То ли они зашли слишком далеко и эволюционировали достаточно сильно, то ли у Владыки Гор было слишком много человеческих жертв для облавы, а может, повелители просто не ожидали, что беглецы способны убраться так быстро и далеко... Так или иначе, спустя трое суток непрерывной скачки, на рассвете четвёртого дня Цзян Фэй ощутил, как они миновали прохладную, освежающую полупрозрачную грань. Мир вокруг мгновенно преобразился.

Перед ними стоял юноша с копьём в руках:

— Вы... новые избранники, обретшие Созидание?

Не дожидаясь ответа, он радостно представился:

— Я Су Миньчжи. Рад знакомству! Не бойтесь, здесь вы в полной безопасности.

Повернувшись назад, он закричал:

— Уду, Уду, иди скорей сюда! У нас пополнение!

Неподалёку появился молодой монах. Его лицо светилось открытой улыбкой, белоснежная кожа была чистой, а идеально обритая голова блестела на солнце, точно очищенное варёное яйцо. Цзян Фэй невзначай подумал, что на ощупь она, должно быть, очень гладкая.

Монах отвесил Цзян Фэю поклон:

— Приветствую тебя, благодетель. Я — скромный монах Уду.

Его сверкающий лысый лоб оказался прямо перед Цзян Фэем.

Не удержавшись, Цзян Фэй протянул руку и погладил монаха по блестящей макушке.

Оба замерли в шоке.

Сделав максимально серьёзное лицо, Цзян Фэй поджал губы и проговорил:

— Моё почтение, почтенный наставник. Моё почтение, брат Су.

Цзян Фэй поочерёдно представил Синчэнь и Ушу, и хозяева предпочли сгладить неловкую паузу.

Поначалу Цзян Фэй счёл их слегка наивными — выложить все карты, толком ничего не разузнав о чужаках! Но вскоре он понял: место, куда они попали, называлось Малым миром Созидания, и пройти сюда могли лишь те, кто действительно получил дары Созидания.

Для владык бессмертных и богов эта обитель являлась возделенным лакомым куском — местом, о котором они грезили, но куда не могли найти путь.

Удачный случай наконец позволил Лю Цыяню выследить шпиона Церкви Славы Звёзд.

До этого Лю Цыянь больше всего подозревал Чэнь Уляня, любившего разжигать конфликты и подстрекать толпу, но предателем оказался вечно потеющий Дэн Лай.

Настоящий адепт тёмного культа впервые пошёл на дело и явно нервничал.

Что ж, если подозревать всех подряд, кто-нибудь да окажется виновным.

Попался он глупо: позвал Ван Ли сходить в туалет, рассчитывая подло застать того в самый уязвимый момент, и всадил кинжал прямо со стороны спины, в область сердца.

Вот только лезвие вошло в тело с отвратительным скрежетом, будто вонзилось в смесь сухой глины и мелкого щебня.

Из соображений безопасности отряд находился всего в паре метров, так что Лю Цыянь

подоспел через три секунды.

Увидев происходящее, он чуть не взрыкнул от ярости.

— Не ссы, держи под контролем уровень аномальной трансформации! — гаркнул Ван Ли. — Со мной всё в порядке!

Дэн Лай выдернул кинжал, ни черта не понимая:

— Как ты можешь быть в порядке?!

Из раны не пролилось ни единой капли крови.

На коже, откуда извлекли лезвие, остался сквозной след, однако грязеподобная плоть зашевелилась, и брешь тут же затянулась плотным слоем глины.

— Хех, позвать кого-то в туалет в такой момент... Я сразу понял, что с тобой что-то нечисто, — с гордостью заявил Ван Ли.

Из-за его способности притягивать "бессмертных" многие однокурсники сторонились его, опасаясь сгинуть рядом. Лишь Дэн Лай всё это время держался с Ван Ли подчёркнуто обыденно, что и вызывало подозрения.

Прибежавший Лю Цыянь убедился, что рана затянулась, но всё же тревожно спросил:

— Как ты себя чувствуешь? Что с сердцем?

— Всё в норме, я с самого начала чуял неладное, — Ван Ли похлопал себя по груди. — Так что душа у меня давно в пятки ушла, а сердце подступило к самому горлу.

Вот уж действительно, держал сердце в кулаке!

— Я сейчас вроде каменного истукана, который не контролирует свои силы. Так что холодного оружия я боюсь меньше всего.

Взбешённый Дэн Лай попытался нанести повторный удар, но Ван Ли отпрыгнул в сторону. Похлопав себя по груди с видом человека, чудом избежавшего беды, он дерзко ухмыльнулся:

— И в шею целить бесполезно! Как только я понял, что даже боли не чувствую, сердце у меня сразу опустилось на место.

Лю Цыянь: «...»

Однокурсники: «...»

Полный бред, в котором, тем не менее, прослеживалась своя железная логика.

Дэн Лая едва не разорвало от злости:

— Ну так дай я всажу ещё один удар!

Ван Ли закатил глаза:

— Я что, дурак? Ты же не пластический хирург.

Что за дикий ответ?

Почему пластическому хирургу было бы можно?!

Ван Ли с удручённым видом потрогал свою окаменевшую голову. Тёмно-жёлтая шершавая кожа покрылась трещинами от нехватки влаги — выглядело это, прямо скажем, убого.

Он подёргал себя за переносицу, приподнимая её и формируя аккуратный носик, затем погладил скулы и подбородок, придав им точёные, словно отточенные лезвием формы. Он даже успел раньше тайком поправить себе складку века на глазах!

— Вот только башка у меня слишком здоровая, никак не уменьшить, — вздохнул Ван Ли. Он мог менять форму своей глиняной оболочки, но не её объём. — Хотел бы я найти толкового пластического хирурга... Спросить, нельзя ли отколоть немного глины с головы и пересадить на грудь, чтобы накачать пекторальные мышцы.

Полёт мысли впечатлял.

Лю Цыянь стыдливо опустил голову, чувствуя смущение за бредни своего названного брата.

А Дэн Лай проклял всё на свете за то, что вообще стоял и слушал эту ахинею!

Резонансная аномалия Дэн Лая относилась к редким сущностям неизвестного происхождения и обычно проявлялась в виде тонких шелковистых нитей. Сбросив маску, он больше не сдерживался: взмахнув рукой, выбросил вперёд целую тучу полупрозрачных волокон.

Лю Цыянь заслонил собой Ван Ли и выкрикнул:

— Чего ты добиваешься?!

Взмахнув рукавом, Лю Цыянь спустил с себя рой чёрных насекомых. Чёрная туча жуков устремилась навстречу нитям, сплетаясь с ними в хаотичном поединке. Оба использовали тактику подавления числом, так что уступить никто не намеревался.

Однако Дэн Лай внезапно изменил направление атаки. Вместо Ван Ли его нити мгновенно захлестнули самую слабую в их группе — Тань Хуэйвэнь, медиума С-ранга.

Девушка, и без того изнурённая непрерывной погоней, не успела среагировать и оказалась закована в плотный шёлковый кокон.

— Вообще-то я планировал заодно прикончить эту вашу так называемую Последовательность — надежду, которой не должно быть, — с досадой процедил Дэн Лай. — Раз уж не вышло, пустим кровь кому-нибудь ещё.

Не настаивай Лю Цыянь на том, чтобы группа держалась вместе, предатель давно бы исполнил задуманное. Но выбрал Ван Ли — и потерпел крах: этот истукан оказался бессмертным.

Нити врезались в плоть, и по телу Тань Хуэйвэнь потекли струйки крови. Будучи всего лишь С-рангом, её резонансная аномалия не могла сдержать столь всеобъемлющий урон.

По мере того как сознание девушки угасало, из её тела полупрозрачным силуэтом начала вырываться сущность. В её глазах вспыхнул зловещий огонь — аномалия готовилась поглотить своего хозяина.

Ли Чэнцзян среагировал быстро, но он всё ещё не достиг полноценного А-ранга и не обладал масштабными атакующими техниками. Бесконечные нити Дэн Лая, пусть и не смертельные сами по себе, мёртвой хваткой сковали обоих.

— Стоит на этом туманном пути пролиться крови, и кое-кто уже не сможет идти дальше, — с фанатичным оскалом произнёс Дэн Лай. — Какая ещё «секта»? Это вы — еретики! Этот мир по праву принадлежит высшим существам, а ничтожные людишки возомнили себя хозяевами!

Он бессвязно безумствовал, в его облике сквозила истинная одержимость культиста.

В самый последний момент Лю Цыянь и Ли Чэнцзян успели вырвать Тань Хуэйвэнь из смертельной ловушки.

— Ой-ой-ой... А ведь я хотел остаться в живых. Что ж, придётся принести себя в жертву!

— Сражаться за Славу! Умереть во имя Славы!

— Не бойтесь, скоро вы присоединитесь ко мне!

Дэн Лай вознамерился свести счёты с жизнью.

Лю Цыянь мог помешать ему убить других, но выбить оружие из рук самоубийцы не успевал. Чем грозит смерть человека в такой ситуации, никто не знал, но ничего хорошего ждать точно не приходилось.

Однако Лю Цыянь был бессилен.

— Хм.

— Точно еретик. Даже связной речи не обучен.

Тьма мгновенно сомкнулась, запечатав окружающее пространство. Вовремя подоспевший Айину упрятал Дэн Лая в одиночную камеру.

Вид этой знакомой «темницы» заставил Лю Цыяня, изнемогавшего от напряжения на протяжении всего пути, разрыдаться.

Наставник, на приход которого они уже не смели надеяться, прибыл.

Утро. Солнечный свет, подобно густому янтарному мёду, разлился по сочной траве.

Красно-белый зверёк Ушу резвился на лужайке. Его пушистый хвост задорно торчал вверх, а алый бант на самом кончике порхал, словно мотылёк.

В лапках грызун сжимал свежий плод личи — своё новое увлечение, к которому прикипел настолько, что готов был пропитаться этим ароматом насквозь.

Паньцзяо неторопливо щипал мураву, а Линьхуа, раздобыв где-то древний фолиант, пристал к Синчэнь, выпрашивая уроки грамоты.

В Малом мире Созидания обитало от силы десятка полтора душ. Избежать облавы «бессмертных» да ещё и найти путь внутрь — задача не из лёгких.

Этот уголок оставался единственной тихой гаванью за пределами кровавого охотничьего уголья, и никто в здравом уме не помышлял о том, чтобы покинуть его.

По словам Су Миньчжи, Цзян Фэй стал единственным обычным человеком за многие годы, сумевшим укрыться здесь.

Впрочем, «обычным» его можно было назвать лишь условно: парень заметно преобразился, обретя нечеловеческую силу и скорость. И всё же по сути своей он оставался смертным.

Кому горе, кому радость: с появлением Цзян Фэя обитатели Малого мира прошли ещё через несколько этапов эволюции.

Тогда-то Цзян Фэй и осознал свою аномальную природу. Ныне он сам являлся ходячим Иллюзорным Царством Бессмертной Судьбы.

— Вы когда-нибудь думали о том, чтобы изменить положение дел? — спросил Цзян Фэй у Су Миньчжи.

— Амиабха, — стыдливо опустил голову Уду.

— Думал, конечно, — в Су Миньчжи всё ещё говорило пылкое юношеское упрямство. — Да только сил не хватит.

— Раньше тут жил брат Гу, — продолжил Су Миньчжи, и голос его угас. — Он рвался изменить мир, но ушёл — и больше от него не было ни вести. За пределами этого обиталища мы всего лишь куски сочного мяса, источающие лакомый аромат и созывающие к себе...

Кого «их»?

Он не решился произнести это вслух. Ведь те, о ком шла речь, прежде вызывали у него лишь благоговейный трепет.

Он мог одолеть одного, но был бессилен против полчищ. А их насчитывались сотни — Десять Великих Пещерных Небес, Семьдесят Две Благодатные Земли... Человечеству даже неизвестна точная численность этих «бессмертных».

— Нам не под силу переломить ход вещей, — подытожил Су Миньчжи.

Цзян Фэй хранил молчание, но гревший уши Линьхуа не выдержал первым:

— Парень, ты что, вознамерился спасти этот мир? Если да, то пиши своего старого коня в

строй!

Слова дикого степного жеребца заставили Су Миньчжи и Уду сгорать от стыда.

Зачем коню помогать людям, Линьхуа и сам толком не знал. Но он отчётливо помнил тот день, когда был ещё обычным жеребцом и своими глазами видел, как с небес спустился «бессмертный», чтобы с потрохами сожрать его нового знакомого-человека вместе с конём.

Самого же Линьхуа пощадили лишь потому, что тварь набила брюхо до отказа и двухсоткилограммовую тушу уже не осилила.

Обретя разум, конь не питал тёплых чувств ни к «бессмертным», ни к людям. Но у него имелись грандиозные замыслы! Он помнил мерзкие щупальца, рвавшие плоть из тела «бессмертного», и чётко сознавал: этому неместному отродью тут не место.

Он был конём с амбициями, а потому вознамерился спасти мир — и оправдать ниспосланную судьбой великую лошадиную долю!

— И как же мне его спасти? — с улыбкой спросил Цзян Фэй, не спеша с ответом.

— Я, Линьхуа — самый умный конь во всех степях! — скакун закружился в воздухе, выплясывая затейливое па. — Ты, парень, отмечен великим провидением.

Цзян Фэй отнекиваться не стал:

— И каков наш план?

— Ну ты и жук, человек! Что ни шаг — всё спрашиваешь у старого коня! — с наигранным недовольством проворчал Линьхуа, хотя сам сиял от гордости. — Мы можем странствовать по людскому миру и переправлять эволюционировавших людей сюда, в Малый мир.

— Наберемся сил в тишине — и в один прекрасный день перевернём доску!

Цзян Фэй тихо усмехнулся. Стоит признать, задумка коня почти полностью совпадала с его собственными мыслями.

Вот только развитые люди манили к себе «бессмертных», точно магнит, так что этот путь таил в себе смертельную опасность.

Не задерживаясь надолго в безопасном укрытии, Цзян Фэй принял окончательное решение.

Синчэнь заглянула ему в глаза:

— Брат, я пойду с тобой.

Цзян Фэй ласково похлопал её по плечу и качнул головой:

— У нашей Синчэнь есть задача поважнее.

— Что я должна сделать?

— Сначала тебе нужно вырасти, а потом — засиять, — Цзян Фэй указал на небосклон и тепло улыбнулся: — Когда Дневная Звезда падёт, наша Синчэнь должна пролить самый яркий свет, чтобы озарить этот объятый тьмой мир.

<http://bllate.org/book/19820/1992631>